



## **Материалы VII Конвента РАМИ**

### **Секция № 18**

#### **Социально-гуманитарные и образовательные ресурсы внешней политики**

*Харкевич Максим Владимирович, к.полит.н., ст. преподаватель Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России*

##### **Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление**

Религия возвращается в международные отношения. При этом религия, как и негосударственные акторы, остается на нелегальном положении в международных отношениях, основанных на Вестфальской модели мира. Однако религиозный фактор в современном мире уже нельзя не учитывать. Взять, к примеру, исламский радикализм, или американский неоконсерватизм. Религия возвращается в публичную сферу мировой политики. По крайней мере, ее стали замечать в публикациях и выступлениях по международной проблематике.

Возросшее внимание к религиозному измерению мировой политики позволяет связать в единую объяснительную схему религиозное и социальное и предположить конститутивную зависимость изменений социальных систем от изменений, происходящих в религиозной сфере.

При этом в качестве объекта анализа из религий выбрано христианство, как основа Западной цивилизации, а из социальных систем – наиболее фундаментальный политический институт Вестфальской системы мира – территориальное государство.

Гипотеза исследования состоит в том, что онтологическую трансформацию государства можно объяснить с помощью анализа онтологической эволюции христианства. Речь идет именно об онтологическом анализе, а не феноменологическом.

Таким образом, делаются два допущения: христианство может онтологически эволюционировать, оставаясь христианством, и государство может онтологически изменяться, оставаясь территориальным государством.

Допущение об историзации онтологии христианства наиболее проблематичное. Оно стало возможно главным образом благодаря Хайдеггеру, который в «Бытии и времени» показал, что сущность, в том числе и сущность религиозная – явление историческое.

Историзация христианства – это припоминание божественного проекта спасения людей в его историческом протяжении. Иными словами христианство – это главным образом не текст Евангелия, а жизнь христиан.

Общее для онтологии христианства и государства – это граница. Для христианства основной онтологической границей является онтологический разрыв между Творцом и творением, для государства – онтологический разрыв между суверенной территорией (мир порядка) и международным пространством (мир анархии).

Христианству в его историческом протяжении, в отличие от всех других религий, присуще постоянная проблематизация онтологической границы между Творцом и творением. Импульсом, заложившим основу данной традиции, стало событие Боговоплощения, когда Бог слова воплотился в человека. Онтологический разрыв между Творцом и творением в этом событии полностью не был преодолен, но в значительной степени проблематизирован.

Границы государства стали проблематизироваться относительно недавно. Нарушаются они с момента их появления, но ставятся под вопрос как социальный и политический институт в условиях транснационализации производственных, политических, культурных и иных связей относительно недавно.

Возникает соблазн аналитически синхронизировать проблематизацию границ в христианстве и в государстве.

Иоахим Флорский, средневековый итальянский монах, зародил интеллектуальную прогрессивную традицию хронологического деления христианства на 3 периода: эпоха отца, эпоха сына и эпоха духа. От полной несвободы, к полной свободе; от жестких границ до их полного отсутствия.

В современной науке о мировой политике также можно найти подобные троичные схемы. Например, выделение довестфальского, вестфальского и поствестфальского типов современных государств. Национальная граница у первых не существует как социальный факт, у вторых – она довольно жесткая, а у третьих – избирательная, диффузная.

Однако опыт анализа современных мировых процессов и государств в них показывает, что с процессом трансформации границ аналитически синхронизировать можно только эволюцию христианства в публичной сфере. В частной сфере для многих вполне уже могла наступить полная свобода. В публичной же сфере мы имеем дело с ветхозаветным христианством с жесткими границами и императивом «око за око и зуб за зуб». Американцы, абсолютное большинство которых довольно религиозны, устраивают национальный праздник при известии о ликвидации Осамы бен Ладана. В России общественное мнение доходит до требований сжечь участников так называемого «панк молебна». Все это не совместимо с императивами Нагорной проповеди о любви к врагам и т.д.

Государственные границы также остаются жесткими, просто более избирательными, и адаптируются к новым возможностям. Государственная граница у государств постмодерна рассредоточивается по трем уровням мировой политики: международная граница, государственная граница, внутренняя граница. В качестве примера можно взять Доктрину безопасности глобальной границы Великобритании 2007 г. Содержание этой концепции сводится к тому, что в борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью Великобритания устанавливает три границы: первая находится за пределами государства – «оффшорная» граница – «террористы и подозрительные лица должны быть остановлены до того, как они поднимутся на борт самолета, летящего в Великобританию»; вторая граница – географическая государственная граница – при ее пересечении на пунктах въезда все подозрительные лица должны быть остановлены; третья граница находится внутри государства – с ее помощью должны быть остановлены злоумышленники, сумевшие преодолеть первые две преграды. Эти идеи были закреплены в Акте о границах от 30 октября 2007 года [UK Borders Act 2007] и в Стратегии национальной безопасности (март 2008 года).

Таким образом, в публичной сфере христианство находится в цикле воспроизводства ветхозаветных ценностей в новых исторических условиях. На государстве это отражается в том, что его границы сохраняются, но адаптируются к новым возможностям и даже в некоторых случаях ужесточаются.

В публичном пространстве христианской цивилизации онтологические границы не ослабевают, а просто отодвигаются на новые уровни. При этом они могут даже укрепляться. Логика процесса диктует, что так будет до тех пор, пока не перестанут воспроизводиться ветхозаветные ценности. В таком мире государство никогда не исчезнет, а его политическое влияние будет только возрастать, т.к. горизонты этого влияния постоянно расширяются вслед за переходом границ на новые уровни мировой политики.